

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФАРАОНА АХТОЯ УАХКАРА

История царствования фараона Ахтоя, который вступил на престол в последней четверти XXII в., может быть освещена значительно полнее, чем история всех других представителей IX—X династий, благодаря наличию эрмитажного папируса 1116 А, а также современных ему надписей, сохранившихся в Хатнубских каменоломнях и в гробнице сиутского номарха Теффеба¹.

Повидимому, уже конец царствования отца Ахтоя проходил в обстановке обостряющейся борьбы. Война с Фивами началась позднее при Ахтое, и, как показывает надпись сиутского номарха Хети I (там же, гробница V), современника отца Ахтоя, на юге мирная жизнь еще ничем не была нарушена, хотя в Фивах в это время уже правил независимый фараон Антеф I Сехертауи. Вероятно, политическая обстановка конца царствования отца Ахтоя объясняется возникшими волнениями среди бедноты, восстаниями в номах и борьбой с азиатскими кочевниками. Эти события нашли яркое отражение в поучении Ахтоя Уахкара, адресованном сыну его Мерикара, наследнику гераклеопольского престола. К концу царствования самого Ахтоя политическая обстановка еще больше осложнилась войной с фиванским царем Антефом II Уаханхом.

Эта историческая обстановка объясняет появление в этот период поучения, в котором фараон, суммируя весь свой политический опыт, преподает сыну, будущему фараону, основы управления государством и раскрывает сущность внутренней и внешней политики фараоновской власти. Почти все буржуазные исследователи, занимавшиеся этим текстом,—Шарф, Антес, Шпигель, Море, Кеес, Фольген и др.—

¹ Д. Брэстед, История Египта, I, стр. 62.

² Издание гробниц: Griffith, The inscription of Siut and Der Rifeh, гробница III.

ограничиваются только этим объяснением. Однако причины появления поучения лежат гораздо глубже. Эрмитажный папирус 1116 А—это первое царское поучение, дошедшее до нас. В строке 109-й папируса упоминается поучение царя Ахтой (повидимому, Ахтой I), но оно не сохранилось. Вполне возможно, что Ахтой Уахкара вaimствовал ряд мыслей и выражений у своего предшественника, недаром он так часто ссылается на мудрость предков. Во всяком случае, совершенно очевидно, что при царях IX—X дин. впервые появились в истории Древнего Египта царские поучения. Не случайно, конечно, что время их возникновения падает на смутное время перехода от Древнего к Среднему царству. Появление поучений связано с изменениями, которые произошли во взглядах на царскую власть после падения Древнего царства.

В Древнем царстве фараон—«сын бога» и сам «благой бог», который после смерти причислялся к «великим богам», был недосягаем для суда людей. Весь строй жизни, сохранившийся еще полупатриархальный уклад, казался установленным от начала веков и мироздания. Подобно тому, как стоит земля и светит солнце, как сияют на небе луна и звезды, так извечно и естественно правит людьми владыка обеих земель, «сын солнца» (*s' r' c*) и «служитель» или, лучше сказать, «преемник Гора» (*smšw Hr*), царь Верхнего и Нижнего Египта. Царская титулатура совершенно четко указывает на существовавшую в Древнем царстве концепцию о божественной природе царской власти, засвидетельствованную также многочисленными текстами, в том числе и религиозными. После бога Гора на земле стали править фараоны, которые считались божественными сыновьями Ра, и их царская власть была тождественной с властью самих богов.

С течением времени изменилась политическая обстановка, произошли глубокие сдвиги в социальной структуре общества, и то, что прежде казалось таким незыблемым и вечным, было поколеблено. VI династия была последней, цари которой владели обеими землями от Дельты до Элефантины. После смерти Пепи II (около 2400 г. до н. э.) Древнее царство пало. Больше не существовало единого государства, Египет распался на множество обособленных номов, и каждый номарх чувствовал себя независимым царем, самостоятельным владыкой своего города и почти богом, поскольку номархи нередко вводили в свой титул имя локального бога как своего отца¹.

Новое объединение произошло через 200 лет. Перед гераклеопольскими фараонами, которые начали объединение Египта, стояли трудные задачи. Надо было подавить сопротивление и сепаратистские тенденции номов, среди которых были два таких нoma, как Гермополь, номархи которого чувствовали себя почти независимыми, и Фивы, где вскоре начинает править XI династия. Надо было оградить Египет от вторжения азиатов со стороны Дельты, надо было расправиться с восстаниями низов. Выполняя все эти задачи, необходимо было поднять престиж царской власти в условиях развенчанной и пошатнувшейся монархии, которую так и не удалось восстановить в границах Древнего царства, нужны были методы идеологического воздействия. Поучение утверждает идею незыблемости и необходимости царской власти для общества.

Старая концепция царской власти не могла уже служить единственным обоснованием царского могущества, существования деспотии. Появляются новые идеи, которые должны по-иному выделить царя среди всех прочих людей, поднять его на недосягаемую высоту не только в силу его божественного происхождения, но и в силу его благотворной деятельности. Царь не только потому стоит выше всех и господствует над всеми, что он—бог, но и потому, что он и в своей деятельности лучше всех, праведнее всех, сильнее всех. Он самый мудрый, самый справедливый, самый могущественный из людей. Эти качества возвышают его над людьми, приближают его к богу и делают его достойным правителем. В этих положениях лежит центр тяжести нового идеологического обоснования идеи царской власти, к которому пришли древне-

¹ R. A n t h e s, Die Felseninschriften von Hatnub, Leipzig, 1928, стр. 81 сл.

египетские рабовладельцы в эпоху правления фараонов гераклеопольской династии¹.

Эти идеи нашли свое выражение в армитажном папирусе 1116 А, известном под названием «Поучение Мерикара». «Смотри, я говорю тебе о вещах совершенных (прекрасных (от самого нутра моего (от сердца), и да будешь ты поступать в качестве того (согласно тому), что поставлено перед тобой». Так кончается «Поучение», и в этих заключительных строках дан смысл всего текста. Царь рассказывает своему сыну о событиях, имевших место во время его правления. Но это не простое изложение фактов, не хроника событий, а попытка обобщить все совершившееся, дать оценку поступкам и научить будущего царя управлять государством, извлекая уроки из опыта своего отца и поступая сообразно с тем, как учит этот опыт. Несомненно, перед нами плод размышлений над историческими событиями, которыми так богато было время правления гераклеопольского дома, опыт, обобщенный в виде наставления, с целым рядом совершенно конкретных указаний, как надо поступать в том или другом случае. Наряду с этим мы встречаем в «Поучении» многочисленные сентенции, в которых автор, вероятно, не сам царь, а придворный мудрец, пытается сформулировать абстрактные положения о характере царской власти, о долге, о добре и зле.

По существу перед нами политический трактат, который устанавливает определенные нормы, обязательные для правителя государства—царя. Академик Тураев дал очень высокую оценку этому тексту, как «первому в истории царскому поучению». Однако оценка Тураева несколько односторонняя. Он не вскрывает всего политического смысла этого памятника. Между тем «Поучение», несомненно,—политический трактат, первый известный нам в истории развития политических учений, хотя и редко отличающийся от политической литературы другого рабовладельческого общества—Греции.

Египетский политический трактат возник на иной общественной почве, в иной политической обстановке, в условиях восточной деспотии. «Поучение» трактовало только вопрос о царской власти и предназначалось только для царя, единственного лица, которое считалось носителем политической власти. «Поучение», по существу, направлено на утверждение деспотии. Другая отличительная черта этого трактата от политической литературы классической древности—это примитивность политической мысли и политического языка. Египетский автор постоянно прибегает к иносказаниям, метафорам, пословицам, у него нет умения обобщать, нет даже четкого плана изложения. Исторический рассказ переплетается с сентенциями, мифами, с изложением религиозных взглядов и наставлениями политического характера, при этом нередко нарушается последовательность, и одни и те же идеи повторяются несколько раз в разных местах. Однако религиозные и исторические разделы папируса, так же, как и разделы, посвященные этике, подчинены одной политической идее, которая красной нитью проходит через все «Поучение» от начала до конца. Рассказ об исторических событиях служит лишь иллюстрацией того, к чему приводит та или иная политика царя, этот пример должен показать и научить, как надо действовать и как не следует поступать. Этические и религиозные концепции также служат обоснованию политических идей.

¹ Неправильно оценивая социальную обстановку в изменившихся условиях переходного периода, Море все же отмечает новые черты, появившиеся во взглядах на царскую власть. Он правильно замечает, что царь начинает с небес сходить на землю. А. Moret, ук. соч., стр. 357.

² В этом отношении египетский трактат находится вполне на уровне египетской (да и вообще древневосточной) науки, которая не достигла еще умения обобщать и оперировать абстрактными понятиями. В математике еще не появились аксиомы и теоремы, она представляла собой собрание различных приемов для решения конкретных задач. В медицине сохранились описания отдельных патологических случаев, философия была собранием притч и изречений.

Мы встречаем у Шарфа¹ попытку разделить текст на отдельные части. Так, строки от 1-й до 68-й он считает чем-то вроде введения, строки от 110-й до конца—изложением религиозных вопросов, строки 68—110 являются, по его мнению, основой содержания текста, его историческим ядром. Едва ли можно согласиться с Шарфом в полной мере. Даже в исторической части папируса нет связного рассказа об исторических событиях в их хронологической (или любой другой) последовательности. Исторические факты, намеки на отдельные события тесно переплетаются с общими рассуждениями религиозного и морально-этического характера. С другой стороны, в первой и последней частях имеются несомненные указания на различные исторические события—на восстания, на войну с Фивами, на политику гераклеопольцев на юге. Первые двадцать строк папируса сильно фрагментированы, а самое начало вовсе не сохранилось. Несомненно, что события напряженной классовой борьбы, мятежи и восстания, создавшие весьма трудную и сложную обстановку для правителей гераклеопольского дома, сыграли известную роль в появлении «Поучения». Из фрагментированных фраз и отдельных слов первых 26 строк можно установить, что речь идет именно об этих событиях, которые потрясли все государство; наказанию мятежников автор «Поучения» придает огромное значение. Папирус, повидимому, начинался с указания, как поступать с виновниками восстаний. Далее идет наставление царю—он должен быть добрым, сильным, мудрым, стремиться к знанию и следовать примеру предков. Затем следуют указания на необходимость поступать справедливо, придерживаться определенной линии по отношению к богатым и бедным, и снова мысль возвращается к идее праведности и мудрости царя.

Основной круг идей этого памятника можно разделить на следующие группы: 1) историческая часть, 2) взгляды на сущность царской власти, права и обязанности царя, 3) внутренняя политика—отношение к подданным (в зависимости от их классовой принадлежности), подавление восстаний, политика по отношению к наиболее крупным номам, 4) внешняя политика—взаимоотношения с югом (Фивы) и севером (азиаты и ливийцы), 5) морально-религиозные концепции.

У п р а в л е н и е. Для характеристики организации управления Египта при Ахтохе «Поучение» дает очень скудный материал. В нем встречаются в двух местах «шениут» и один раз упоминается «джаджнат», правда, в смысле загробного суда. Основное внимание уделяется вельможам (*šrw*) и войску (*d³mw*), в положении которых намечаются некоторые изменения; много места отводится царской власти, ее характеристике и значению. Остается предположить, что в целом организация политической власти в стране в эпоху гераклеопольской династии не претерпела изменений по сравнению с Древним царством. Изменился, однако, взгляд на самую царскую власть, на значение вельмож и войска, и, следовательно, изменилось и содержание этих понятий.

Царская власть. В «Поучении» нет раздела, специально посвященного определению природы и сущности царской власти. Можно в какой-то степени говорить о стремлении дать в «Поучении» систематическое изложение вопросов внешней политики на севере и юге, внутренней политики в отношении Дельты, мятежников и бунтовщиков. Однако в «Поучении» нет даже и попытки свести воедино все сентенции, касающиеся царской власти. Паречения и афоризмы, наставления и пословицы, определяющие сущность царской власти, и правила поведения царя разбросаны по всему тексту «Поучения».

Основной догмат, восходящий к Древнему царству,—догмат о божественном происхождении царя—остается неизменным во все время существования Древнего Египта. В «Поучении» мы видим развитие этого догмата в новых условиях. Царь не только происходит от бога, является божественным отпрыском великих богов, но бог сам направляет царя, дает ему законы управления государством, создает царскую

¹ A. Scharf, Historischer Abschnitt der Lehre für König Merikare, SBAW, 1936, Heft 8.

власть, как опору для подданных. «Создал он (бог) для них (для людей) царскую власть как поддержку, чтобы поддерживать спину разбитого» (стр. 135—136). Здесь впервые появляется идея целесообразности царской власти, подчеркивается ее необходимость. Идеи божественного происхождения царя встречаются в «Поучении» очень редко, о ней говорится в беглых выражениях. Идеи же о целесообразности царской власти, ее необходимости, как новые идеи, которые надо было утверждать и внедрять в сознание, являются преобладающими во всем «Поучении».

«Поучение» старается доказать, что царь опекает людей, заботится о них, охраняет их от зла. Это добрый пастырь, которого бог поставил над людьми: «Заботься о людях—пастве бога» (стр. 130—131). Личность царя, стоящего во главе всех людей и опекающего их, поднимается на большую высоту: «Возвышен он (т. е. царь) перед множеством людей на земле» (стр. 116)¹. Возвышение царя над людьми понимается не только как результат неограниченной власти над людьми, но и как результат его внутреннего морального совершенства, его личных качеств. Если собрать воедино все черты характера царя, которые обрисованы в «Поучении», получается образ идеального царя, вполне соответствующий интересам рабовладельческой верхушки египетского общества гераклеопольского периода. «Поучение» требует от царя не только силы, но и политической мудрости.

Царь должен быть мудрым и сильным. Иногда это синонимы, так как мудрость—это сила царя. Мудрость предопределена царю еще до его рождения, «Мудр он при выходе из чрева» (стр. 115—116), мудрость—неотъемлемое качество царя, он—царь, следовательно, он мудр. «Знающий (т. е. мудрый, мудрец)—это владыка обеих земель» (стр. 115). Однако, хотя мудрость присуща царю, независимо ни от каких обстоятельств, но этот данный ему богом дар должен совершенствоваться в дальнейшем. Царь должен стать еще более мудрым, «искусным сердцем», т. е. проницательным, находчивым, чтобы его нельзя было обмануть: «не обходят искусного сердцем» (стр. 32—33). Он должен прямо смотреть событиям в лицо, видеть все, что делается вокруг него, и никому не доверять, кроме себя самого: «живи с открытым лицом, ибо доверчивый превратится в несчастного». Эта же мысль повторяется опять через 100 строк в несколько иной форме: «Открой лицо твое, возвысься в качестве человека» (стр. 139). И все же, хотя царь возвышается над всеми не как бог, а как человек,—нет перед ним равных среди людей, нет таких, которые перед лицом его были бы достаточно совершенными и праведными: «нет праведного среди множества людей для владыки обеих земель» (стр. 41).

В идеальном образе царя, созданном в «Поучении», появляется новая черта. При сохранении представления о царе как божестве, столь обычном для египетского мировоззрения, царь выступает в «Поучении» как человек: «возвысься в качестве человека» (стр. 139). Его дела подсудны богам. Мудрость, высокое положение царя налагают на него больше обязанностей, тем строже с него спрашивают на суде и оценивают его поступки: «Джадат юга (загробный суд в данном тексте) судит мудрого. Знай, немилостивы они в день суда над бедняком, в час выполнения обычая. Плохо это, когда доносят о мудром» (стр. 53—54). Смысл этой фразы раскрывается в строке 139-й «Да достигнешь ты меня (т. е. станешь подобным мне) так, чтобы не было жалующихся на тебя». Судьи загробного суда разбирают дела о жизни бедняка, и плохо придется тогда царю (мудрому), если на него будет жалоба со стороны бедняка, которого он должен защищать. Судьи не будут милостивы к мудрому, оправданием не будет и долгая жизнь, поэтому «не полагайся на долготу лет. Смотрят они (судьи) на жизнь, как на час». Дела человека остаются после смерти. «Гладят дела его рядом с ним в кучу. Вечность—это пребывание там. Если ты достигнешь этого (т. е. вечности), не делай греха, будешь ты подобен богу, свободно шагающему, подобно владыкам веч-

¹ В тексте дословно «возвышен он перед теми, которые находятся во множестве на земле», т. е. перед подданными.

вость» (стр. 54—56). Таким образом, в «Поучении» проскальзывает мысль, что судьба царя зависит от людей, от его подданных, к которым в какой-то мере прислушиваются боги, совершающие суд над царем. Сочетание мудрости, силы и праведности отличает царя от прочих смертных и ставит его над людьми. Представление о силе царя очень своеобразно. С одной стороны, это сила его войска—«полезны отряды для владыки» (стр. 63), это—богатство знати—«величие царя, это величие вельмож; силен царь, владыка Шенут. Полезно богатство вельмож» (стр. 44—45). С другой стороны, это представление о силе его слова, которая понимается в значении умения владеть речью, умения заставить повиноваться при помощи искусного и властного слова: «Будь искусным в речах, и ты будешь силен. Могущество для (царя)—это сильный язык. Слово сильнее, чем оружие» (стр. 32), но не всякое слово дает силу. Оно должно быть словом истины, которого боятся все, даже могущественная знать: «твори истину в доме твоём, и будут тебя бояться вельможи, которые на земле» (стр. 34).

Царь должен быть добрым: «не будь злым, ибо доброта радует сердце» (стр. 36), он обладает хорошим характером, который обеспечивает ему блаженство,—«небо для человека—это хороший характер» (стр. 31). Царь—«владыка радости» (стр. 79), в его власти давать радость людям, создавать счастье на земле заботами о своих подданных, в первую очередь о тех слабых, для кого он поставлен богом как опора: «твори правду, пока ты существуешь на земле, утешай плачущих, не притесняй вдову» (стр. 47). Эти идеи, ставшие обычными в многочисленных заупокойных стелах, появляются в конце Древнего царства. В «Поучении» они получают более широкое развитие, принимают уже форму проповеди долга царя перед его подданными: «заботься о людях, пастве бога» (стр. 130—131), «создавай спокойствие силой твоей» (стр. 80).

В основе отношений между царем и подданными должна лежать любовь к царю, создающему счастливую жизнь,—«всели в людей любовь к тебе» (стр. 141). И тогда в стране наступит полное благополучие, все люди будут восхвалять царя за благодеяния и молиться за него перед богом: «проходят мимо тебя восхваления за добро твоё, молятся о твоём здравьи перед (богом)» (стр. 37—38); это будет лучший памятник царю, воздвигнутый любовью его подчиненных, «увеличивай памятники твои любовью к тебе» (стр. 37). В основном долг царя перед людьми сводился к тому, чтобы заботиться о подданных, править ими: «Избегай зла, и ты скажешь—погибло время страдания» (стр. 141—142). Идея долга царя перед подданными тесно связана с представлением о миссии царской власти. Величие царской власти здесь понимается не в смысле пышного ритуала или нечеловеческой силы царя (столь характерного представления в текстах пирамид), а в том служении людям, к которому обязывает царя его сан. «Должная прекрасная царская власть» (стр. 116)¹. Его справедливые поступки и любовь подданных обеспечат ему загробную жизнь, даже если «у него нет ни сына, ни брата, которые поддерживают его памятники, один украсит это для другого» (стр. 117).

«Поучение» последовательно раскрывает, что значат эти абстрактные рассуждения о «доброте» и «справедливости» фараона. Оно четко излагает, по отношению к кому царь должен быть добр, на кого он должен опираться и кем он должен дорожить.

Вельможи и войны. В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, фараон выступает как защитник интересов своего класса, тех социальных групп, которые являются опорой его трона. Поэтому все благодеяния царя, разумеется, были обращены на египетскую знать, на те новые социальные слои, которые выделяются в этот период из среды рядовых общинников и входят в число рабовладельцев. «Добрым

¹ Термин *j³wt* обычно употребляется в значении «должность». Он известен со времени Древнего царства. Начиная со Среднего царства, этот термин встречается и в значении «царская власть». См. папирус Westcar 9,24. Впервые в этом понимании термин *j³wt* известен в армитажном папирусе 1116 А, стр. 116.

пастырем» царь был только для египетской знати, чиновников, воинов, так как, проводя такую политику, фараон создавал прочную опору своей власти. В условиях обострившейся классовой борьбы, политической борьбы за единое государство и войн с кочевниками на севере Египта царская власть нуждалась в мощном государственном аппарате, в чиновничьей знати, которой можно было вполне доверять, в сильном войске, которое и на внешнем и на внутреннем фронте могло выступать на защиту царского дома. По отношению к ним царь должен быть и добрым, и справедливым, и щедрым. «Почитай вельмож» (стр. 38), требует Ахтой от своего сына. Вельможи—это главная опора трона, так как «велик царь величием вельмож» (стр. 44). Вельможи создают государственные законы, их надо поставить для этого на большую высоту; «возвышай твоих вельмож, и да делают они твои законы» (стр. 42—43). Царю «полезно богатство вельмож» (стр. 45), так как на богатого человека царь может вполне положиться: «не пристрастен богатый человек в доме своем. Он владыка вещей, не имеет нужды» (стр. 43).

Наряду с усилением вельмож, которые являются руководящей верхушкой в государственном аппарате, необходимо было усилить военную мощь государства, создавая отряды войск, состоящие из молодежи. Терм и «джаму» имеет здесь значение «взрослых» (ср. Хатнубские надписи, ук. изд.). Джаму являются молодыми воинами. На это указывает Хатнубская надпись 24.6 сл., где говорится о том, что были набраны отряды джаму из юношей, тогда как старые воины из отрядов джаму были отпущены домой и они стали жить как граждане, не беря больше оружия в руки. Ахтой III указывает на молодежь, достигшую двадцатилетнего возраста, годную для военной службы. Для создания из них действительной опоры трона, верного войска необходимо удовлетворять их желания. «Смотри—вот твои горожане, множество среди них таких, которым исполнилось двадцать лет. Джаму приятно, когда удовлетворяют их желания» (стр. 58). В чем выражается удовлетворение желаний джаму, видно из дальнейшего: «Увеличивай твоих воинов, твоих телохранителей, снабженных списками, обеспеченные землей, одаренных стадами» (стр. 60—61). Войско также должно быть обеспечено, как и вельможи, для того чтобы защищать царя и интересы того класса, который олицетворяет фараон. Усиление войска—это не личное дело царя, это также важно для правящих слоев. «Возвышай твоих воинов, это любит столица» (стр. 57) или, лучше сказать, «в этом заинтересована столица».

Войско в Гераклеопольском государстве было децентрализовано. В номах существовала своя военная организация. Свои отряды воинов были в Гермополе, так было и в Сиуте. Сиутские номархи имели свой флот, свои отряды пехоты, во главе которых становились они сами¹. К сожалению, скудные данные о войске в сиутских текстах не позволяют сделать заключения о социальном составе его. Некоторый свет проливают на этот вопрос надписи гермопольских номархов. В Гермополе, так же как и в Сиуте, существовало свое войско при дворе номарха. С одной стороны, это было обычное войско (*tš*)². Поскольку этим термином *tš* определяются отряды и воинов, и рабочей силы в разных случаях, возможно предположить, что эти военные отряды являлись ополчением, так как они набирались из массы рядовых свободных (так же, как и отряды рабочих) на тот срок, когда в них была необходимость. Отряды, состоявшие из *d^omw*, были уже регулярной армией, набравшейся на постоянную службу за счет государства. Они получали землю, скот и, по видимому, рабов («списки», стр. 63—64). По истечении срока военной службы они выходили из войска, становились неджесами, т. е. возвращались к своему первоначальному состоянию. Таким образом, набор постоянного войска происходил из среды рядовых свободных граждан в возрасте двадцати лет.

Однако, как в обществе, так и в войске происходит внутреннее расслоение, и отряды, состоящие из джаму, не все одинаковы. В хатнубских текстах встречаются отряды джаму,

¹ Цит. издание Griffith'a, надписи в гробницах III и IV.

² Термин *tšw*—военные отряды—известен со времен Древнего царства, *d^omw*—со Среднего.

связанные с сильными неджесами ($n\dot{1}s\ k\dot{n}\ n\ h\dot{n}w\ d^2\dot{i}nw$)¹. Это, очевидно, высшая военная знать, вернее молодежь, которая, как указывает Ю. П. Францов, ищет выхода из уже разложившейся к этому времени патриархальной семьи². Эти отряды джаму, связанные с сильными неджесами, новой социальной прослойкой, появившейся в этот период, занимали в войске привилегированное положение. Наряду с неджесами в эти отряды входили и сыновья чиновной знати и даже самого номарха.

Но не только в войско получали доступ «простолодины» (неджесы), им открыт был путь и ко двору, т. е. к высшим должностям. Ахтой требует, чтобы человек был возведен в высокий сан не за его происхождение, а за его ум и личное достоинство. Принадлежность к знати не дает еще право занимать человеку более высокое место, чем неджес. «Не возвышай сына человека больше, чем неджеса. Пусть будет приближен к тебе человек за дела рук его» (стр. 61—62). Нет никакого сомнения в том, что под неджесом Ахтой поправу понимает «сильного», т. е. богатого, неджеса. Ряды египетского служилого сословия, как гражданского, так и военного, пополнились новым составом людей, вышедших из среды рядовых свободных, ставших людьми, обладающими имуществом, вероятнее всего—землей на высоких полях и рабами.

Для воспитания молодежи, которая должна в будущем вступить в ряды царских чиновников, при дворе имела школа, где дети знати воспитывались вместе с наследником престола, будущим царем. Ахтой говорит сыну о тех людях, с которыми последний учился в школе. «Не убивай человека, если ты знаешь его добродетель. Ты распеваешь писания вместе с ним» (стр. 50—51). Царская школа выпускала преданных фараону людей, которые впоследствии занимали высокие должности и всегда помнили о своей близости к царю. Таким был сиутский номарх Ахтой I, который воспитывался в подобной школе (Сиут, V). Ахтой требует от сына бережного отношения к знати. Возможно, что это было вызвано тем, что в прошлом Ахтой I, основатель династии, борясь с номовой знатью за возвышение Гераклеополя, круто обошелся с ней, чем заслужил печальную славу жестокого царя, переданную Манефоном. Ахтой Уахкара ищет у знати опоры. Царь должен обогащать знать, от него требуют, чтобы ни имущество знати, ни должности не являлись причиной гонения на них: «не прогоняй человека из-за вещей отца его, не вреди вельможам из-за их мест» (стр. 47—48). И далее— «остерегайся наказывать несправедливо. Не убивай, нехорошо это для тебя. Наказывай ударами и заключением. Будет земля устроена благодаря этому» (стр. 48—49). Сложная обстановка при дворе гераклеопольских³ фараонов требовала полного отказа от казней вельмож. В конце папируса мы снова встречаемся с этим положением: «Не убивай того, к которому ты приблизился, если ты хвалил его» (стр. 139—140). Эти приближенные составляют опору царя: «каждый из них [т. е. из приближенных]— это твое процветание на земле» (стр. 140).

Суммируя изложенное, можно сказать, что богатая прослойка рабовладельческого общества составляла основную базу, на которую опирался царь, чьи интересы он выражал и защищал. Они пользовались рядом привилегий. Независимо от происхождения, будь он знатный или простолодин, богатый человек мог быть приближенным ко двору, богатство является основой добродетели для человека, богатый—это основа государства.

Отношение к бедному человеку выражено в «Почувении» в откровенных и резко отрицательных формулировках и находится в полном противоречии с отношением к бо-

¹ $n\dot{1}s\ k\dot{n}\ n\ h\dot{n}w\ d^2\dot{i}nw$ встречается только один раз (Hatnub, 27, 2). Однако в данном случае следует допустить ошибку писца, т. е. пропуск слова $k\dot{n}$, так как лицо, которому принадлежит надпись 27-я, жрец Гора, придворный монарха. Вряд ли он мог быть в это время простым неджесом («простолодином») и стоять во главе отряда, посланного в Хатнуб. Нельзя на основании этого единственного места делать вывод, что « $n\dot{1}s\ k\dot{n}\ n\ h\dot{n}w\ d^2\dot{i}mw$ » и « $n\dot{1}s\ n\ h\dot{n}w\ d^2\dot{i}mw$ » — это два военных титула высшего и низшего ранга; R. A. n. t. h. e. s., ук. соч., стр. 37, комментарий.

² С негиреви Ю. Францов, Египет, Л., 1938, стр. 159.

гатым людям. Несколько сентенций, в которых Ахтой напоминает своему сыну о необходимости поддерживать слабого, заботиться о вдовах и сиротах, остаются пустой фразой¹. Они ни в какой мере не могут скрыть подлинного лица «добротного пастыря», «идеального царя», заботливого по отношению к представителям своего класса, злого и жестокого по отношению к низшим классам. Мораль в этом поучении древнего Египта, как всегда и везде, имеет свой ярко выраженный классовый характер.

Восстания бедноты. В эпоху правления Гераклеопольской династии в Египте социальные отношения в среде свободных начинают изменяться. «Поучение» резко ставит вопрос о бедных и богатых, оно подчеркивает коренные различия между людьми, лишенными средств производства, не имеющими имущества, бедняками, и, с другой стороны, людьми, владеющими землями, рабами. Процесс расслоения внутри свободных можно проследить по хатнубским надписям гермопольских номархов и по тескам сиутских гробниц. В гермопольских документах мы уже встречаемся с термином «сильный недже», который, как доказал академик В. В. Струве, обозначает выделившихся из общины зажиточных рабовладельцев.

В эпоху Среднего царства рабовладельческий строй в Египте вступил в ту фазу своего развития, когда четко определились все его основные противоречия, вылившиеся около 1750 г. до н. э. в грандиозное восстание, известное по Лейденскому папирусу 344 и по эрмитажному папирусу 1116 б. Однако начало восстаний относится уже к переходному периоду между Древним и Средним царством. «Поучение» Ахтоя Уахкара является первым документом, в котором имеются указания на подобные восстания масс. Правда, в «Поучении» нет связного рассказа о восстании, изложения хода событий, как в речениях Ипувера или пророчестве Ноферреху. Но из тех указаний, которые дает царь, как надо действовать в случае восстания, как расправляться с бунтовщиками, можно сделать только один вывод—Ахтой был свидетелем таких восстаний либо в царствование его отца, либо в свое собственное правление. «Поучение» четко выражает идеологию рабовладельцев.

Богатый—это основа трона и порядка. «Царь велик величием вельмож своих. Силен царь владыка шенут. Полезно богатство вельмож» (стр. 44). Богатый (вельможа) ни от кого не зависит,—он не должен ни за кем следовать вопреки своим принципам, он не лицеприязнствует и поступает по совести: «не пристрастен тот, кто богат в своем доме. Ибо он владыка вещей, не имеющий нужды» (стр. 43).

В противоположность этому бедняк не праведен и несправедлив: «Не говорит бедняк правды своей. Неправеден тот, кто говорит: «о, если бы я имел, пристрастен он ради владыки счета его» (стр. 43—44). Бедняк по природе своей враждебен царю и тем, кто богат. Он беден, следовательно, он враг,—такова основная мысль «Поучения». «Не знающий (т. е. не имеющий) вещей—это бунтовщик» (стр. 40), «страдающий отсутствием вещей—это враг» (стр. 68). Бедняк, человек лишенный средств производства, становится синонимом слов бунтовщик и враг. Человек, у которого ничего нет, опасен тем, что он хочет иметь («о если бы я имел»). В «Поучении» ярко выражена боязнь бедноты, проповедуется жестокое отношение к бунтовщикам, высказывается требование применять к ним самые тяжелые и суровые наказания. В «Поучении» много говорится и о наказаниях вельмож, но в отношении них проповедуется мягкость и снисходительность: «Остерегайся наказывать несправедливо. Не убивай, нехорошо это для тебя, наказывая ударами и заключением» (стр. 48, 49). Совсем иной тон появляется в «Поучении, когда речь идет о мятежниках: «Бог знает мятежника; бьет бог грехи его кровью его» (стр. 49—50). «проходит жизнь его (мятежника) на земле, не продлится она» (стр. 40—41), т. е. мятежник недостойн того, чтобы попасть в загробное царство. Даже память о нем должна быть

¹ Умиления буржуазных исследователей (V o l t e n, а также B r e a s t e d, T h e D a w n o f c o n s c i e n c e, 1946) по поводу высокой гуманности идей и морали древних египтян нелепы. За ними ясно открывается стремление буржуазных ученых создать концепцию внеклассовой и надклассовой морали без учета социальной среды и общества.

стерта и его имя выскоблено на памятнике (стр. 24). Если сравнить это место с теми строками, где царь проявляет величайшую заботу о продлении жизни за гробом, об увековечении памяти за добрые дела, то становится ясным, что смертная казнь и лишение загробного блаженства являются самыми страшными наказаниями для преступника, участвовавшего в восстании или даже только в заговоре. Никакой мягкости и сострадания к страшному классовому врагу. «Кротость это—пеступление—наказывай» (стр. 29). Жестокое наказание нужно для того, чтобы другие побоялись следовать примеру мятежников, так как враг не одинок, их целая масса, «толпа» (как говорится в тексте), готовая воспламениться в любой момент, соединившись с рабами, людьми, отданными в рабочие дома (стр. 29)¹. Надо уничтожить эту страшную силу любыми способами, любой жестокостью: «уничтожай толпу, гаси пламя, исходящее от нее» (стр. 27).

Идеальный царь—«добрый пастырь»—должен выступать в роли беспощадного карающего судьи, когда затронуты интересы класса рабовладельцев.

Восстание в номах. Подвергнув внимательному изучению все высказывания «Поучения» о восстаниях и мятежниках, мы можем сделать ряд дополнительных выводов о политической обстановке в Египте той эпохи. «Поучение» начинается с рассказа о мятежниках, которые поднимают восстание, опираясь на своих рабов и подданных. К сожалению, начало папируса настолько фрагментировано, что вместо связного текста мы располагаем отрывочными фразами, иногда даже не полностью сохранившимися.

В тексте папируса встречаются указания, что мятежник, в отличие от бедняка бунтовщика, бывает сильным человеком, опирающимся на своих людей, приверженцев, которые находятся в зависимости от него. Его рабы любят его (стр. 13), он «хорош» в глазах его подданных (стр. 23). Он привлекает на свою сторону людей из города, силою своих речей он возбуждает их сочувствие: «враг для города—это говорящий» (стр. 27). Из своих рабов он создает отряды воинов: «вот делает он из рабов два отряда молодых воинов» (стр. 25). Восстание, которое поднимает такой мятежник, приводит к гражданской войне, «это восстание горожан, это гражданская война» (стр. 24—25). Руководителем такого восстания не может быть представитель низов, бедноты, о котором шла речь выше. На это имеются указания в самом «Поучении»: «не возвышается мятежник из бедняков... который замышляет восстание» (стр. 27). Как по отношению к бунтовщикам из бедноты, так и по отношению к своим врагам из среды номовой знати, посягнувшим на его трон или на целостность его государства, Ахтой требует суровых и решительных мер.

В период охватывающий время от падения Древнего царства до возвышения Гераклеополя, большинство номархов чувствовали себя независимыми царьками в своих владениях. Гераклеополю силой оружия приходилось утверждать в номах свою власть. Очевидно, не во всех номах это произошло одинаково успешно, некоторые из них делали попытки восстановить свою самостоятельность. Прежде всего так, вероятно, обстояло дело в Дельте, в Гермополе. Намек на восстание в Дельте имеется и в самом «Поучении»: «встал царь в городе, сердце его было скорбно из-за Дельты» (стр. 82) «Поучение», повидимому, здесь, имеет в виду одного из предшественников Ахтой. Это обстоятельство указывает на то, что в Дельте в этот период было неспокойно. Ахтой удалось подавить восстание в Дельте: «мятежник из Дельты в руке твоей... Повинности из Дельты в руке твоей» (стр. 87—88). При нем Дельта была окончательно усмирена, и в ней удалось наладить развитие мирной жизни. Для определения мятежника Ахтой употребляет термин ḥ²kw ib. Этот же термин ḥ kw ib встречается в строке 4-й («увеличиваются мятежники»), где, судя по оставшимся фрагментам, следует также изложение событий, связанных с мятежами. Это, конечно, не те мятежи, которым посвящены строки 81—89. Вероятнее

¹ Перевод этого места очень темен, особенно ввиду сильной фрагментированности текста.

всего, что в начале Ахтой имеет в виду восстание в среднеегипетских номах, скорее всего в Гермополе. Кроме Сиута и Гермополя, в Гераклеопольском царстве не было других номов, которые имели достаточно силы, чтобы выступить в борьбу за свою самостоятельность. Восстание в Сиутском номе исключено, так как сиутские номархи, ставленники Гераклеопольского царского дома, возможно даже родственники фараона, всегда являлись опорой трона.

В Гермополе со времени V династии Древнего царства уже появилась династия наследственных номархов. У первых номархов гермопольской династии еще встречается датировка по годам правления царя. После падения Древнего царства исчезает из надписей имя царя, остается только глухое упоминание о «царе», о «царском доме». Все надписи Хатнуба датируются по годам правления номархов, титулатура номарха включает имя локального бога Тота, подобно царской титулатуре с именем Ра. Уже это указывает на независимое положение гермопольских правителей. Гермополь располагал достаточным количеством войска, чтобы двинуть его против столицы и, опираясь на своих подданных и приверженцев в городах, поднять настоящую междоусобную войну. Ахтой говорит об отрядах джаму, созданных мятежниками: «отряды джаму воюют против джаму в некрополе из-за Египта» (стр. 68). Удобным моментом для мятежа было восстание бедноты. Не случайно «Поучение» излагает эти события, переплетая вместе рассказ об обоих восстаниях. По отношению и к тем и к другим мятежникам применяются одинаково жестокие меры наказания. Повидимому, это восстание удалось подавить. Этот вывод можно сделать из общего смысла «Поучения» и из хатнубских надписей, где номархи по-старому продолжают говорить о царском доме, о царе и даже выполняют царские поручения (например, R. A n t h e s, ук. соч.: «привозят камень для царя»).

Привилегированные отряды джаму сделали свое дело в подавлении восстания (стр. 68). Придворная знать оставалась верной царю, и политика Ахтой Уахкара по отношению к ним полностью себя оправдала.

Р. Рубинштейн